

Язык против бессознательщины

Б.Г. Мещеряков,

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Международного университета природы, общества и человека «Дубна»

Е.М. Виноградова

аспирантка международной кафедры культурно-исторической психологии
Московского городского психолого-педагогического университета

Дается краткая рецензия на книгу М. Голдера и А. Гонзалеса «Фрейд в Выготском. Бессознательное и язык» (2006, тираж 500 экземпляров, на испанском языке). Кратко излагается информация о конференции по культурно-историческому подходу, прошедшей в ноябре 2006 г. в Бразилии. Сообщается, что одним из приславших в журнал «Культурно-историческая психология» текст своего выступления с этой конференцией был А. Гонзалес. Этот текст представляет собой автореферат второй части его книги. Описываются трудности перевода этого текста на русский язык, формулируются ключевые идеи публикации и дискуссионные вопросы, которые она поднимает. Данная статья предвзвешивает публикацию самого текста А. Гонзалеса.

Ключевые слова: А. Гонзалес, М. Голдер, трудности перевода, бессознательное, внутренняя речь, язык, гипотеза о генезисе бессознательного.

Предисловие к публикации

Порой бывает, что перевод чужой статьи требует больше времени и сил, чем написание собственной. Похоже, именно с этим случаем мы и столкнулись при подготовке нижеследующей публикации. Но прежде чем говорить о возникших трудностях, стоит, хотя бы кратко, рассказать об истории появления этого текста в редакционном портфеле. В ноябре 2006 г. в Сан Паулу (Бразилия) проходила международная конференция по культурно-историческому подходу, в которой от России принимали участие Л.Ф. Обухова и Б.Г. Мещеряков. Отчет об этой конференции по ряду причин задерживается — преимущественно потому, что большая часть участников конференции, выступавших с докладами на португальском и испанском языках, еще не предоставили свои доклады или тезисы на английском языке. Первым на просьбу прислать англоязычный текст с содержанием своего выступления откликнулся психолог из Аргентины Алехандро Гонзалес, который привез в Сан Паулу экземпляры своей недавно опубликованной книги (написанной в соавторстве с Марио Голдером). Выступление А. Гонзалеса на конференции отражало содержание второй части данной книги. Два экземпляра этой книги автор передал на кафедру культурно-исторической психологии МГППУ. Как отметил в личном сообщении сам Алехандро, при подготовке англоязычного текста ему помогала вся семья (жена и двое детей). Публикацию его статьи мы можем рассматривать не только как автореферат (и отчасти рецензию) его книги, но и как начало отчета о конференции в Бразилии.

При переводе этого текста возникло немало лингвистических трудностей, в связи с чем пришлось неоднократно переписываться с автором (в очередной раз восхищаясь фантастическими возможностями Интернета). Тем не менее с сожалением приходится констатировать, что смысл некоторых предложений автора мы так и не смогли разгадать. Кроме того, в статье есть множе-

ство цитат из англоязычных и испаноязычных переводов Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева и З. Фрейда. Много времени ушло на поиск эквивалентных цитат в русских изданиях. При этом неожиданно выяснялось, что иногда цитаты Алехандро были более точными в отношении авторской атрибуции стихов российских поэтов, чем наши отечественные — и оригинальные — тексты (об этом мы пишем в примечаниях).

Как уже было сказано, книга состоит из двух частей, вторая из которых, «Бессознательное и язык», написана Алехандро, а первая, «Былое и думы», — Марио Голдером, также аргентинским психологом, ушедшим из жизни в 2005 г. По словам Алехандро, Марио Голдер был одним из самых активных распространителей идей Л.С. Выготского в Латинской Америке. Он работал в университетах Ла-Плата и Буэнос-Айреса, защитил в 1969 г. докторскую диссертацию в МГУ им. Ломоносова под руководством А.Н. Леонтьева, основал в Аргентине Академию Л.С. Выготского.

В своей части книги, «Былое и думы», Марио Голдер затрагивает вопросы, касающиеся развития психологии в России, и той роли, которую в этом процессе сыграл психоанализ. Он описывает взаимоотношения Л.С. Выготского и А.Р. Лурии с психоанализом: в частности, пишет о «Психологии искусства» и отношении Выготского к взглядам Фрейда на искусство, а также о деятельности Лурии в рамках основанного им Казанского психоаналитического кружка. Отдельно Голдер пишет об ученых и специалистах, представлявших психоаналитическую школу в России после 1910 г., и о том, как менялось восприятие психоаналитических идей Выготским в период с 1922 по 1930 г. Повествуя о становлении культурно-исторической школы, Голдер обращается к биографиям Л.С. Выготского, А.В. Запорожца, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина, А.Р. Лурии.

Дальнейшая судьба культурно-исторической психологии и психоанализа в России рассматривается Голдером сквозь призму исторических и политических пере-

мен, произошедших в 20–30-х гг. XX в.: он пишет о фактическом запрете психоанализа и идей Выготского в эпоху сталинизма, обусловленном указом 1936 г., а также о статье П. Размыслова «О “культурно-исторической теории психологии” Выготского и Лурия».

Вторая часть книги, написанная А. Гонзалесом, посвящена более подробному рассмотрению взаимосвязи, которую можно проследить между идеями Л.С. Выготского и З. Фрейда, а именно между понятиями внутренней речи и бессознательного.

Несмотря на отмечавшиеся выше трудности, возникшие при переводе статьи А. Гонзалеса, и вопреки, по всей видимости, так до конца и не устраненным неточностям в выражении авторской мысли, мы полагаем, что основные идеи автора вполне понятны, и читатель, пусть и не без труда, имеет возможность по достоинству оценить оригинальную гипотезу автора о генезисе и развитии бессознательного (в личной переписке Александро, пожалуй, слишком скромно оценивает свою роль, приписывая данную гипотезу Выготскому). Согласно этой не только оригинальной, но и очень смелой гипотезе, то самое бессознательное, которое З. Фрейд сравнивал с преисподней (в этом смысле — «бессознательщина») и которым в качестве универсального инстинктивного багажа психики фаталистически наделял всех людей, предлагается рассматривать с позиций культурно-исторической теории как неизбежный побочный продукт развития сознания и несовершенства средств («значений», по А.Н. Леонтьеву), усваиваемых субъектом из социальной среды. В общем, «не так страшен черт, как его малюют». Бессознательное рассматривается как прибежище (если не сказать, кладбище) «голых или во всяком случае недоработанных мыслей», причем причины их образования надо искать прежде всего в социокультурной среде (хрестоматийным примером может служить та самая викторианская культура, которая, как полагают, тоже в немалой степени повинна в изучавшихся З. Фрейдом неврозах, возникших на сексуальной почве).

Чтение статьи А. Гонзалеса пробуждает удивительно много внутренних откликов, причем очень разных

(уже одно это оправдывает затраченные усилия на ее подготовку). С одной стороны, не может не вызывать радостных чувств (по крайней мере, у сторонников культурно-исторической психологии, базирующейся на идеях Л.С. Выготского) тот очевидный факт, что в далекой Аргентине эти идеи продолжают жить и творчески перерабатываться. С другой стороны, далеко не все суждения автора вызывают автоматическое доверие и согласие. Скорее, даже наоборот: в первую очередь они провоцируют новые вопросы, которые раньше не приходилось встречать в литературе или самим ставить. Один из самых интригующих и в то же время логично вытекающих из статьи вопросов заключается в следующем: неужели бессознательное «говорит» на языке внутренней речи? Попутно встает вопрос о том, насколько язык внутренней речи однороден и не существует ли некоторое множество таких языков? Сам Л.С. Выготский (т. 2, с. 340–341) отмечал, что кроме редуцированного и чисто предикативного языка внутренней речи существует и другой вариант, соответствующий задаче создания мысленного черновика (эскиза) развернутой внешней речи (устной или письменной). Но если язык внутренней речи зависит от текущей ситуации и задачи субъекта, т. е. является целенаправленным и саморегулирующимся процессом, то можно ли относить его к сфере бессознательного? Еще один замечательный вопрос можно сформулировать так: не является ли подлинный язык бессознательного языком личностных смыслов? Впрочем, нам придется здесь остановиться, потому что каждый из поставленных вопросов (и особенно последний) грозит породить свой «снежный ком» и заслуживает самостоятельного рассмотрения и изучения. Кроме того, в наши задачи не входит изложение своего понимания прямо или косвенно затронутых в статье вопросов. Все, на что мы претендуем в данном контексте — это вызвать у читателя интерес к публикации и желание внимательно прочитать ее своими глазами. Этот интерес и желание уместно пролонгировать и на саму книгу двух аргентинских психологов (*Golder M., González A.H. Freud en Vigotsky. Inconsciente Y Lenguaje. Buenos Aires, 2006*).

Language against Unconscious

B.G. Meshcheryakov,

Ph. D., Professor at the Dubna International University of Nature, Society and Man

E.M. Vinogradova

Postgraduate student at the International Department of Cultural-Historical Psychology at the Moscow State University of Psychology and Education

This is a brief review of the book by M. Golder and A. Gonzalez 'Freud In Vigotsky. Unconscious and Language' (2006, 500 copies, in Spanish). It gives some information about the conference on cultural-historical psychology that took place in Brazil in 2006. Among the participants who sent their theses from the conference to the editors of the 'Cultural-Historical Psychology' journal was Alejandro Gonzalez. His paper was actually a synopsis of the second part of his book. This review it introduces the publication of the text by A. Gonzalez; it describes the difficulties with translating the text and sets forth the main ideas and discussion topics of the latter.

Key words: A. Gonzalez, M. Golder, lost in translation, unconscious, inner speech, language, hypothesis of genesis of unconscious.